

В-четвертых, по-видимому, функция легитимного насилия останется за государством, но изменятся способы легитимации его применения. Возрастет значение, например, таких факторов легитимации как «угроза коллективной безопасности», «принуждение к миру», «гуманитарная катастрофа» и т.п.

В-пятых, политической стратегией государств в борьбе за ресурсы конкурентоспособности станет открытость к национальным ресурсам, обеспечивающим формирование здесь центров международного притяжения. В этой связи возрастет значение индустрии знаний, культуры, транспорта, коммуникации и туризма, в целом «стабильности за счет развития».

Список литературы

1. Евин И. А. Введение в теорию сложных систем / И. А. Евин // Компьютерные исследования и моделирование. – 2010. – Т. 2. – № 2. – С. 121–141.
2. Сморгунов Л. В. Событийное знание и его значение для современной сравнительной политологии / Л. В. Сморгунов // Политические исследования. Полис – 2011. – № 1. – С. 122–133.
3. Elliot E. Complexity, Politics, and Public Policy / E. Elliot // Knowledge Management, Organizational Intelligence and Learning and Complexity / ed. by L. D. Kiel. – Oxford : EOLSS Publishers, 2003. – 269 p.
4. Overman E. The New Science of Administration: Chaos and Quantum Theory / E. Overman // Public Administration Review. – 1996. – Vol. 56. – № 5. – P. 487–491.
5. Pollitt C. Complexity Theory and Evolutionary Public Administration: A Skeptical Afterword / C. Pollitt // Managing Complex Governance Systems: Dynamics, Self-Organization and Coevolution in Public Investments / ed. by G. R. Teisman, A. Van Buuren, L. Gerrits. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – P. 213–230.
6. Stacey R. Strategic Management and Organizational Dynamics. The Challenge of Complexity / R. Stacey. – Harlow, UK : Prentice Hall, 2003. – 496 p.
7. Taylor G. The New Political Sociology. Power, Ideology and Identity in an Age of Complexity / G. Taylor. – New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 234 p.

References

1. Evin I.A. Vvedenie v teoriju slozhnyh sistem [Introduction in the theory of difficult systems]. *Komp'yuternye issledovaniya i modelirovaniye* [Computer researches and modeling], 2010, vol. 2, no. 2, pp. 121–141.
2. Smorgunov L.V. Sobytiynoe znanie i ego znachenie dlja sovremennoj sravnitel'noj politologii [Event knowledge and its value for modern comparative political science]. *Politicheskie issledovaniya. Poliss* [Political researches. Policy], 2011, no. 1, pp. 122–133.
3. Elliot E. Complexity, Politics, and Public Policy / E. Elliot // Knowledge Management, Organizational Intelligence and Learning and Complexity / ed. by L. D. Kiel. – Oxford : EOLSS Publishers, 2003. – 269 p.
4. Overman E. The New Science of Administration: Chaos and Quantum Theory / E. Overman // Public Administration Review. – 1996. – Vol. 56. – № 5. – P. 487–491.
5. Pollitt C. Complexity Theory and Evolutionary Public Administration: A Skeptical Afterword / C. Pollitt // Managing Complex Governance Systems: Dynamics, Self-Organization and Coevolution in Public Investments / ed. by G. R. Teisman, A. Van Buuren, L. Gerrits. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – P. 213–230.
6. Stacey R. Strategic Management and Organizational Dynamics. The Challenge of Complexity / R. Stacey. – Harlow, UK : Prentice Hall, 2003. – 496 p.
7. Taylor G. The New Political Sociology. Power, Ideology and Identity in an Age of Complexity / G. Taylor. – New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 234 p.

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ И СТРАТЕГИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор

Армавирская государственная педагогическая академия
352901, Россия, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159
E-mail: pragpu@mail.ru

В статье анализируются подходы к определению социальной, демографической и семейной политики. Рассматриваются различные типы политик: эксплицитная, имплицитная, негативная. Дается определение демографической политики и определяется роль демографических процессов для всего политического процесса современной России.

Ключевые слова: демография, депопуляция, демографическая политика, дискурсы демографической политики, гендерные проблемы демографии.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN CONCEPTS AND STRATEGIES OF POPULATION POLICY

Vartumyan Arushan A., D.Sc. (Political Science), Professor

Armavir State Pedagogical Academy
159 R. Luxemburg st., Armavir, 352901, Russia
E-mail: pragpu@mail.ru

The paper analyses the approaches to the definition of social, population and family policy. The different types of policies: explicit, implicit, negative ones are considered. The definition of population policy is given and the role of demographic processes for the entire political process in modern Russia is determined.

Keywords: Demography, Depopulation, Population policy, Population policy discourses, Gender problems of demography.

В современной России часто наблюдается смешение социальной, демографической и семейной политики, что является препятствием на пути построения грамотной управленческой системы по преодолению депопуляции. Считаем важным разграничить эти виды политико-управленческой деятельности и рассматривать их согласно смысловому значению и прикладной направленности каждого из них. Ниже представлены соответствующие определения.

Наиболее содержательным из определений социальной политики в прикладном аспекте нам представляется следующее: «Социальная политика – система мер, направленных на осуществление социальных программ, поддержания доходов, уровня жизни населения, обеспечения занятости, поддержки отраслей социальной сферы, предотвращения социальных конфликтов» [7].

Термин «семейная политика» стал употребляться в отечественной литературе сравнительно недавно – в 1970-х гг. Он используется для обозначения деятельности государственных и иных служб по социальной защите семьи и оказанию адресной поддержки семьям определенных типов [7]. Термин «семейная политика» обычно распространяется на социальные программы, законодательство и постановления, имеющие целью способствовать росту количества семей, повышению рождаемости и воспитанию детей [11, с. 134–135].

Согласно одному из наиболее емких определений, семейная политика представляет собой составную часть социальной политики, направленную на институт семьи с целью укрепления, развития и защиты его прав и интересов, обеспечения регулирования его отношений с государством. Она является комплексом практических мер, предоставляющим семьям с детьми социальные гарантии, цель которых улучшить благосостояние и обеспечить функционирование семей в интересах общества [28].

Р. Титмус определяет семейную политику как совокупность принципов, регулирующих деятельность государственных и негосударственных агентов, которая направлена на обеспечение благосостояния семьи, минимального уровня доходов и реализацию прогрессивного перераспределения ресурсов таким образом, чтобы добиться развития общества для реализации принципа социальной солидарности [24, с. 212–214]. В зависимости от направленности политики и степени ответственности, принимаемой государством для семейного благополучия, Л. Хантрайнз и Л.Ф. Хардинг выделяют три типа политики: эксплицитная, имплицитная и негативная.

Эксплицитная политика регулирует меры, нацеленные на семью и делающие акцент на социальную защиту в решении широкого ряда проблем семьи, основанной на принципе перераспределения, с высоким уровнем политического контроля за ее состоянием.

Имплицитная политика принимает во внимание проблемы семьи, но отдельная сфера семейной политики не создается. Предпринимаемые меры избирательны.

Негативная политика отвергает вмешательство в дела семьи, чем обосновывается отсутствие семейной политики, предпринимаются действия, которые в значительной степени влияют на семью [31].

Признание семьи в качестве центра общественной системы, структурного базисного образования российского общества, характеризует эксплицитную направленность политики, декларируемую как на федеральном, так и региональном уровнях. В то же время, сфокусированность мер политики на «специфических проблемах семьи, связанных с реализацией ее основных социальных функций» [24, с. 212–214] (репродуктивной, экономической, жизнеохранительной, воспитательной), а также на обеспечении социальной защиты отдельных, наиболее уязвимых групп населения свидетельствует об избирательности, имплицитности деятельности субъектов политики.

В отличие от социальной и семейной политик, демографическая политика является автономной сферой политического управления и имеет коренные отличия в предмете, на который она воздействует. Д.И. Валентей рассматривал демографическую политику как управление воспроизводством населения [20, с. 29].

Высокой теоретической ценностью обладает интерпретация В.Г. Глушковой, в которой демографическая политика названа системой мер, предпринимаемых государством для воздействия на естественное движение населения и достижения определенных демографических результатов [9, с. 206]. Созвучное определение дается М.А. Клуптом: «Демографическая политика представляет собой комплекс мер, предпринимаемых государством с целью повлиять на режим демографического воспроизводства в заданном направлении» [12, с. 497].

Широкое определение демографической политики подразумевает деятельность государства в сфере здравоохранения, образования, социальной защиты, охраны окружающей среды, занятости, налоговой политики, транспорта, строительства, жилищно-коммунальной сферы, что непосредственно или косвенным образом влияет на состояние жизни семей. В нее включаются меры, целью которых является поддержка семей с несовершеннолетними детьми (выплаты и пособия, налоговые льготы); обеспечение льготами работников, имеющих родительские обязанности (пособия по уходу за ребенком, больничные листы, декретный отпуск); создание системы дневного пребывания ребенка (детские сады, ясли, группы продленного дня, секции и кружки, летние лагеря); другие службы и льготы для семей с детьми в сфере социальной защиты, образования, жилищной политики, здравоохранения; законодательство, непосредственно нацеленное на семью (в т.ч. фиксирующее усыновление, разводы).

Методологически важными обстоятельствами являются:

- предмет демографической политики (режим воспроизводства населения);
- акцент именно на естественном (демографическом), а не на ином (миграционном, социальном и т.д.) аспекте воспроизводства населения. Таким образом, демографическая политика имеет прямое отношение к процессам рождаемости и смертности населения, брачности и разводимости как к процессам, непосредственно влияющим на рождаемость и на смертность. Особо отметим, что миграционные процессы не имеют отношения к демографическому воспроизводству, являясь в данном контексте внешней переменной.

Несмотря на поверхностную схожесть семейной и демографической политики (из-за чего нередко происходит их смешение) [3, с. 343–344; 17, с. 343–344], между ними имеется принципиальное отличие: семейная политика, в отличие от демографической, не нацелена на изменение показателей демографического воспроизводства и достижение демографических результатов [15, с. 322].

Аргументированным обоснованием самостоятельности демографической политики представляется позиция А.И. Антонова и В.А. Борисова: «Системная демографическая политика, решающая стратегические задачи сохранения целостности государства, охватывает все сферы народного хозяйства, но не передоверяет выполнение ряда задач отдельным министерствам и ведомствам» [2, с. 91; 26].

Демографическая политика – целенаправленная деятельность государственных и муниципальных институтов власти, общественных организаций, социально ответственного бизнеса по управлению всем народонаселением, а также его половозрастными и территориальными группами. Демографическая политика включает в себя не только управление ресурсами и их анализ, но и прогнозирование демографических процессов.

Такой подход предполагает переориентацию общественной и государственной деятельности на интересы демографической политики, а не подчиненность последней предвыборным, коммерческим и другим краткосрочным целям. Оправданность данного видения в настоящее время продиктована тяжелейшим демографическим кризисом в России и определяющей ролью демографических процессов для всего политического процесса.

Т.Ю. Журженко приводит типологию дискурсов демографической политики вслед за работой Н. Ювал-Дэвис «Гендер и нация», выделяя три доминирующих дис-

курса демографической политики государства: «Дискурс, который может быть назван «народ как сила», евгенический дискурс и мальтузианский дискурс. Первый тип дискурса ... определяет политику практически всех национальных государств и касается главным образом государствообразующей нации. В рамках этого типа дискурса будущее нации зависит от ее непрерывного количественного роста ... в большинстве случаев ответственность за прирост населения возлагается на женщин «коренной» национальности, государственная политика направлена на активизацию их репродуктивного поведения» [14, с. 122].

Евгеника представляет основу второго типа дискурса, который акцентирует внимание не на размерах нации, а на ее качестве. Не следует путать эту логику с той, что ставит акцент на качестве человеческого потенциала в аспекте, прежде всего, образовательного статуса [22]. В отличие от этого подхода, современный евгенический дискурс является частью идеологии национализма и «оперирует понятиями "генофонд нации", "генетической потенциал", от которого зависит здоровье и будущее последующих поколений нации» [14, с. 122–123; 125–126]. В рамках такого дискурса ведутся дискуссии о репродуктивном здоровье населения.

Третий тип дискурса – мальтузианский – часто «работает на руку националистам в отношении этнических меньшинств, он служит рационализации опасений, связанных с неконтролируемым ростом их численности и нарушением сложившегося "этнического баланса" в государстве».

Вместе с тем, нельзя отрицать, что, будучи направленной на поддержку семьи, улучшение условий ее жизнедеятельности, семейная политика может способствовать достижению целей демографической политики. В этой связи ряд авторов (В.А. Борисов, В.М. Медков, М.А. Клупт) считают целесообразным использование термина «семейно-демографическая политика». Так, М.А. Клупт полагает, что в российских условиях демографическая политика в области рождаемости в значительной своей части должна совпадать с политикой семейной, так как необходимым условием повышения рождаемости является улучшение условий жизни семей с детьми [18, с. 311].

Основные направления демографической политики таковы: оптимизация пропорций естественного прироста населения (баланса рождаемости и смертности); влияние на состав трудовых ресурсов и их профессиональную квалификацию; поддержка семей, материнства и детства; поддержка здорового образа жизни; оптимизация миграционных потоков (механического прироста населения). Следовательно, демографическая политика неразрывно взаимосвязана с социальной (в узком смысле) и миграционной политикой [13, с. 11]. Существует также зависимость демографической и этнополитики, т.к. этнокультурные факторы весомо влияют на уровень рождаемости и смертности, а этнические группы территориальны.

Демографическую политику на всех её уровнях следует отличать от поддержки позитивных демографических процессов в медицинских науках. Ведь политика предполагает выявление и целенаправленное изменение социальных детерминант рождаемости, здоровья и заболеваний, инвалидности, смертности, семейного состояния, возрастных и половых пропорций населения [23, с. 276–280]. Конечно, законы биологического воспроизводства объективны, но государственные и общественные институты могут направлять развитие демографического состава населения в своих целях (в определенных пределах).

Идет соперничество двух теорий: одна подчеркивает роль социально-экономических факторов в развитии семьи, другая – роль конфликтов участников политического процесса. Согласно первой теории, называемой индустриализационной, изменения экономической среды (индустриализация, урбанизация) создают новые потребности. Социально-экономическая и демографическая среды обитания семьи являются главными движущими силами в развитии государственной семейной политики. Снижение рождаемости, рост численности малоимущих семей, гендерные проблемы заставляют органы государственной власти расширять и реформировать систему поддержки семьи. Теория конфликтов рассматривает в качестве главной движущей силы конфликт между участниками политического процесса. Деятель-

ность политических партий, общественных организаций, публикации ученых могут привлечь внимание к проблемам семьи и заставить органы государственной власти более активно действовать по поддержке семьи. Политика, по определению Э. Гидденса, – «средство, к которому власть прибегает для осуществления своих целей» [6].

В то время, как некоторые исследователи считают, что политика может оказывать влияние на демографические тенденции, другие полагают, что колебания уровня рождаемости подвержены, прежде всего, влиянию экономических, культурных и социальных факторов. По их мнению, политика может быть одним из многих факторов, воздействующих на семью и оказывающих влияние на ее поведение, которое может быть ожидаемым. Подобная недооценка роли политики, возможно, объясняется тем, что в большинстве стран под этим термином вместо всеобъемлющей, четкой и скоординированной политики скрывается конгломерат законов, мер, льгот, никак не связанных друг с другом.

Страх перед перенаселением усилился в 1950–1960 гг., когда в странах Африки, Азии и Латинской Америки начался быстрый рост населения, получивший название «*демографического взрыва*». Р. Макнамара, бывший директором Всемирного банка, а до того – министром обороны США, полагал, что рост населения страшнее третьей мировой войны. В те годы заговорили о «*бомбе населения*». Так называлась популярная книга П. Эрлиха (1968 г.). В 1990 г. вышла ее новая редакция под названием «*Взрыв населения*», написанная совместно супругами Эрлих. *По их мнению, единственное спасение – контроль численности населения* [21, 28, 29].

Согласно данным прогноза мирового населения ООН (2004 г.), в 67 странах мира уровень рождаемости не обеспечивает простого воспроизводства населения. В этих странах проживает около половины мирового населения. В 20 развитых странах, в т.ч. России, рождаемость уже 20 лет имеет величину значительно ниже уровня простого воспроизводства [32]. И даже по оптимистическим оценкам рождаемость не поднимется выше этого уровня, по крайней мере, в течение ближайших 50 лет.

Но даже в странах, где налицо депопуляция, очень многие продолжают говорить о перенаселенности и ее последствиях. Даже в России, которая за 1990-е гг. потеряла 3 млн чел. от чрезмерной смертности и снижения рождаемости, многие аналитики более озабочены бедами, которые якобы несет «*демографический взрыв*», чем реальными угрозами депопуляции [4, с. 205–217; 10].

Между тем, впору уже говорить не о «бомбе перенаселения», а о «бомбе депопуляции» [16; 27, с. 63], точнее, о «нейтронной бомбе депопуляции». Эта бомба угрожает взорвать современный мир, угрожает сделать его совершенно иным, чуждым и враждебным человеку. Это будет мир, где отсутствуют понятия добра, любви, солидарности и взаимоподдержки, моральной ответственности, где атомизированный и лишенный социальных связей индивид будет находиться в состоянии *войны всех против всех*. Человечество еще не скатилось на дно пропасти, но страшно близко к этому. Россия – одна из тех стран, которые ближе всех подошли к краю пропасти, в которую нас столкнет невидимая, но могучая сила. И чтобы депопуляция не завладела миром, люди должны стряхнуть благодушие, объединиться и противопоставить ей солидарность, свои активные действия в защиту детей, семьи и жизни.

Напротив, некоторые из либерально ориентированных чиновников и экспертов рады, что численность населения России уменьшается. Как заметил А.В. Акимов, «...убыль населения в России в настоящее время при сложившейся экономической системе, основанной на экспорте природных ресурсов, вполне рациональна для части общества, так как при сырьевом экспорте как основе экономики, чем меньше население, тем лучше для элиты, формирующей такой курс...» [1, с. 69].

Отрицание необходимости стимулирования роста населения аргументируется по трем направлениям, которые можно условно назвать *философско-фаталистическим* («гегельянским»), *политическим* и *прагматическим*.

Суть «гегельянской аргументации» заключается в тезисе о безальтернативности исторического развития и социальных изменений. Воспроизводится тезис Гегеля о том, что «все разумное действительно, и все действительно разумно». Утверждает-

ся, что снижение рождаемости – это объективный процесс, происходящий независимо от желаний, оценок и действий, а потому единственно возможный. Как говорят авторы работы (2006 г.), «речь идет о достаточно жестко детерминированном историческом процессе, которым очень сложно, а может быть, и невозможно управлять» [8, с. 537]. В их устах эта мысль не нова: в конце 1990-х гг. они говорили «о процессе, имеющем свои глубинные движущие силы, и нет оснований ожидать, что Россия окажется вне общего движения стран, имеющих примерно такой же, как и она, уровень экономического и социального развития» [5, с. 240–256]. И делать поэтому ничего не надо, ибо бесполезно, ибо таковы законы общественного развития. Подобный взгляд выражался в словах о гармонии личных и общественных интересов в условиях «развитого социалистического общества», сейчас те же самые авторы говорят о том, что надо стремиться к созданию условий для того, чтобы «люди имели столько детей, сколько они хотят», и о том, чтобы «минимизировать последствия кризиса», «учиться жить в условиях депопуляции и старения населения» и т.п. Но реализация тезиса «помочь людям иметь столько детей, сколько они хотят» означает, что депопуляция будет ускоряться, и через небольшое время некому будет продемонстрировать свое умение «жить в условиях депопуляции и старения населения».

Политическая аргументация отрицания необходимости стимулирования рождаемости и роста населения России связана с априорным и бездоказательным убеждением, что соответствующая политика непременно будет посягательством на свободу и гражданские права граждан, тоталитарным насилием государства по отношению к гражданам, навязыванием последним неприемлемых для них моделей семейного поведения.

Более того, попытки конструктивно обсуждать проблемы депопуляции в России отвергаются с порога на том основании, что попытки регулировать рост населения, рождаемость, предпринимались Гитлером, Муссолини, Франко и Сталиным, т.е. тоталитарными, террористическими режимами, что в демократическом обществе подобное недопустимо, а тот, кто об этом говорит, автоматически оказывается в одной компании с этими монстрами. Даже теоретическая постановка вопроса о необходимости политики стимулирования рождаемости, о том, имеет ли право государство открыто заявлять о своих целях демографической политики, сразу же переводится в плоскость технологии реализации этих целей. При этом последняя в устах сторонников этой точки зрения всегда оказывается антидемократичной и тоталитарной. Как будто политику можно проводить только насильственными, тоталитарными средствами.

Если общество, государство не будут выдвигать никаких демографических целей, не станет ли это таким же навязыванием семье модели ее поведения, которая привела Россию, как и развитые страны, к депопуляции и демографическому кризису, т.е. модели изолированной нуклеарной и малодетной семьи? Сила этого невидимого принуждения увеличивается от того, что оно явно не ощущается. «Свобода демографического выбора», о которой часто говорят как о достижении современной цивилизации и выражении общественного прогресса, не более, чем фикция. Но на самом деле современный человек не более свободен от действия социальных норм, чем человек в любую другую эпоху. А, скорее, наоборот. В современных обществах все многообразие семейных структур и типов семейного поведения оказалось сведенным до унылой тотальной малодетности. Обезличенная стандартность этого единственного типа семейного поведения навязывается людям через все возможные каналы. Он стал уже угрозой существованию общества. Семьи вынуждены «свободно выбирать» именно эту модель, ибо в противном случае, при выборе чего-то другого они рискуют не только проиграть экономически по сравнению с малодетными семьями, но и, что гораздо хуже, оказаться выброшенными за пределы «нормальности», стать маргиналами и подвергнуться социокультурному остракизму.

Список литературы

1. Акимов А. В. Возрастные роли демографических проблем в современной России и некоторые направления формирования демографической политики / А. В. Акимов // Семья в современной России: тезисы к семинару. Рабочие тетради Института семьи и собственности. – Москва, 1999. – № 3. – С. 69.

2. Антонов А. И. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики / А. И. Антонов, В. А. Борисов. – Москва, 2006. – С. 91.
3. Бреева Е. Б. Основы демографии / Е. Б. Бреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2007. – С. 343–344.
4. Вишнеvский А. Г. Пережить двадцать первый век... / А. Г. Вишнеvский // Прогнозис. – 2004. – № 1. – С. 205–217.
5. Волков А. Г. Семья – объект демографии / А. Г. Волков. – Москва, 1986. – С. 240–256.
6. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – Москва, 1997.
7. Глоссарий.ру. Служба тематических толковых словарей. – Режим доступа: <http://www.glossary.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
8. Демографическая модернизация России. – Москва, 2006. – С. 537.
9. Демография / под ред. В. Г. Глушковой. – Москва, 2004. – С. 206.
10. Демоскоп-Weekly. – 2005. – № 197–198. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0197/analit01.php>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
11. Дивицына Н. Ф. Семейное образование / Н. Ф. Дивицына. – Москва, 2006. – С. 134–135.
12. Елисеева И. И. Демография и статистика населения / И. И. Елисеева, Э. К. Васильева, М. А. Клупт и др.; под ред. И. И. Елисеевой. – Москва, 2006. – С. 497.
13. Жернакова Т. А. Демографический ресурс в системе ресурсов политической власти в постсоветской России : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Т. А. Жернакова. – Саратов, 2003. – С. 11.
14. Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине / Т. Ю. Журженко. – Харьков, 2001. – С. 122–123, 125–126.
15. Зверева Н. В. Основы демографии / Н. В. Зверева, И. Н. Веселкова, В. В. Елизаров. – Москва, 2004. – С. 322.
16. Карлсон А. Бомба депопуляции / А. Карлсон // Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. – Москва, 2003. – С. 197.
17. Клочкова М. С. Демография / М. С. Клочкова. – Москва, 2006. – С. 177–179.
18. Клупт М. Демография регионов Земли / М. Клупт. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 311.
19. Осколкова О. Б. Государственная семейная политика в странах Европейского Союза. Краткий справочник / О. Б. Осколкова. – Москва, 1995.
20. Основы теории народонаселения / под ред. Д. И. Валентя. – Москва, 1973. – С. 29.
21. Режим доступа: <http://www.nationalcenter.org/dos/7111.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
22. Римаевская Н. М. Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель / Н. М. Римаевская // Народонаселение. – 2004. – № 3 (25).
23. Слоботчиков О. Н. О структуре демографической политики государства / О. Н. Слоботчиков // Социально-гуманитарные значения. – 2001. – № 1. – С. 276–280.
24. Холостова Е. И. Социальная политика / Е. И. Холостова. – Москва, 2000. – С. 212–214.
25. Чернова Ж. В. Семейная политика в России и Европе: гендерный аспект / Ж. В. Чернова. – Санкт-Петербург, 2008.
26. Экономика народонаселения / под ред. В. А. Ионцева. – Москва, 2007. – С. 525.
27. Carlson A. C. Family Questions: Reflections on the American Social Crisis. New Brunswick / A. C. Carlson. – Oxford, 1990. – P. 63.
28. Ehrlich P. The Population Bomb / P. Ehrlich. – New York, 1968.
29. Ehrlich P. R. The Population Explosion / P. R. Ehrlich, A. H. Ehrlich. – New York, 1990.
30. Hantrais L. Families and Family Policies in Europe / L. Hantrais, M.-T. Letablier. – London ; New York, 1998. – P. 45.
31. Hantrais L. Social Policy in the European Union / L. Hantrais. – London ; New York, 1995.
32. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations. Secretariat. World Population Prospects: The 2004 Revision. Highlights. – New York : United Nations. ESA/P/WP. – 2005. – № 193.

References

1. Akimov A.V. Vozrastanie roli demograficheskikh problem v sovremennoj Rossii i nekotorye napravlenija formirovaniya demograficheskoi politiki [Increase of a role of demographic problems in modern Russia and some directions of formation of demographic policy]. *Sem'ja v sovremennoj Rossii: tezisy k seminaru. Rabochie tetradi Instituta sem'i i sobstvennosti* [Family in Modern Russia: Theses to Seminar. Workbooks of Institute of Family and Property]. Moscow, 1999, no. 3, p. 69.
2. Antonov A.I., Borisov V.A. *Dinamika naselenija Rossii v XXI veke i prioritety demograficheskoi politiki* [Dynamics of the population of Russia in the XXI century and priorities of demographic policy]. Moscow, 2006, p. 91.
3. Breeva E.B. *Osnovy demografii* [Demography bases]. Moscow, 2007, p. 343–344.
4. Vishnevskij A.G. *Perezhit' dvadcat' pervyj vek...* [To worry the twenty first century...]. *Prognozis* [Prognosis], 2004, no. 1, p. 205–217.
5. Volkov A.G. *Sem'ja – obekt demografii* [Family – object of demography]. Moscow, 1986, p. 240–256.
6. Giddens Je. *Sociologija* [Sociology]. Moscow, 1997.
7. Glossarij.ru. *Sluzhba tematicheskikh tolkovykh slovarej* [To Glossarij.Ru. Service of thematic explanatory dictionaries], available at: <http://www.glossary.ru>.
8. *Demograficheskaja modernizacija Rossii* [Demographic modernization of Russia]. Moscow, 2006, p. 537.
9. *Demografija* [Demography] / pod red. V.G. Glushkovej. Moscow, 2004, p. 206.

10. *Demoskop-Weeklu* [Demoskop-Week1u], 2005, no. 197–198, available at: <http://demoscone.ru/weekly/2005/0197/analit01.php>.
11. Divicyyna N.F. *Sem'evedenie* [Semyevedeniye]. Moscow, 2006, pp. 134–135.
12. Eliseeva I.L., Vasil'eva Je.K., Klupt M.A. i dr. *Demografija i statistika naselenija* [Demography and statistics of the population]. Moscow, 2006, p. 497.
13. Zhernakova T.A. *Demograficheskij resurs v sisteme resursov politicheskoj vlasti v postsovetskoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Demographic resource in system of resources of the political power in Post-Soviet Russia]. Saratov, 2003, p. 11.
14. Zhurzhenko T.Ju. *Social'noe vosproizvodstvo i gendernaja politika v Ukraine* [Social reproduction and gender policy in Ukraine]. Kharkov, 2001, pp. 122–123, 125–126.
15. Zvereva N.V., Veselkova I.N., Elizarov V.V. *Osnovy demografii* [Demography bases]. Moscow, 2004, p. 322.
16. Karlson A. Bomba depopuljacji [Depopulation bomb]. Karlson A. *Obwestvo – Sem'ja – Lichnost': Social'nyj krizis Ameriki* [Carlson A. Society – the Family – the Personality: Social crisis of America]. Moscow, 2003, p. 197.
17. Klochkova M.S. *Demografija* [Demography]. Moscow, 2006, pp. 177–179.
18. Klupt M. *Demografija regionov Zemli* [Demography of regions of Earth]. St.-Petersburg, 2008, p. 311.
19. Oskolkova O.B. *Gosudarstvennaja semejnaja politika v stranah Evropejskogo Sojuza. Kratkij spravochnik* [The state family policy in the countries of the European Union. Short directory]. Moscow, 1995.
20. *Osnovy teorii narodonaselenija* [Bases of the theory of the population] / pod red. D.I. Valenteja. Moscow, 1973, p. 29.
21. Available at: <http://www.nationalcenter.org/dos/7111.htm>.
22. Rimashevskaja N.M. Kachestvo chelovecheskogo potenciala Rossii kak strategicheskaja cel' [Quality of human capacity of Russia as strategic objective]. *Narodonaselenie* [Population]. 2004, no. 3 (25).
23. Slobotnikov O.N. O strukture demograficheskoi politiki gosudarstva [About structure of demographic policy of the state]. *Social'no-gumanitarnye znachenija* [Social and humanitarian values]. 2001, no. 1, pp. 276–280.
24. Holostova E.I. *Social'naja politika* [Social policy]. Moscow, 2000, pp. 212–214.
25. Chernova Zh.V. *Semejnaja politika v Rossii i Evrope: gendernyj aspekt* [Family policy in Russia and Europe: gender aspect]. St. Petersburg, 2008.
26. *Jekonomika narodonaselenija* [Population economy] / pod red. V.A. Ionceva. Moscow, 2007, p. 525.
27. Carlson A. C. Family Questions: Reflections on the American Social Crisis. New Brunswick / A. C. Carlson. – Oxford, 1990. – P. 63.
28. Ehrlich P. The Population Bomb / P. Ehrlich. – New York, 1968.
29. Ehrlich P. R. The Population Explosion / P. R. Ehrlich, A. H. Ehrlich. – New York, 1990.
30. Hantrais L. Families and Family Policies in Europe / L. Hantrais, M.-T. Letablier. – London ; New York, 1998. – P. 45.
31. Hantrais L. Social Policy in the European Union / L. Hantrais. – London ; New York, 1995.
32. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations. Secretariat. World Population Prospects: The 2004 Revision. Highlights. – New York : United Nations. ESA/P/WP. – 2005. – № 193.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Мармилова Екатерина Петровна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский филиал Московской открытой социальной академии
414000, Россия, г. Астрахань, ул. Джона Рида, д. 12
E-mail: katyamme@mail.ru

В статье рассматривается вопрос становления законодательных органов регионального уровня в постсоветский период. Территориальные рамки исследования охватывают Нижнее Поволжье: Астраханскую область, Волгоградскую область, Республику Калмыкия, Саратовскую область. В статье выделяются основные этапы эволюции политики федерального центра по отношению к вопросу о структуре региональных представительных органов, выявляются общие закономерности становления представительных органов субъектов РФ в указанный период.

Ключевые слова: субъекты федерации, федерализм, региональное законодательство, Нижнее Поволжье, государственное управление.